

УДК 338.12

Социализация личности: методологический аспект**Галеев З.Г.**

Кандидат политических наук, доцент кафедры музеологии, туризма и охраны памятников Казанского (Приволжского) федерального университета, член-корреспондент Международной Академии наук педагогического образования

В статье формулируется необходимость осуществления социализации личности в парадигме диалогически-креативного наследования. Обосновывается положение о том, что в основе научного осмысления социализации лежит теоретико-методологический анализ проблемы социального наследования в общественном развитии.

Ключевые слова: социализация, социальное наследование, личность, индивидуальный опыт, субъект, социальная адаптация, диалогически креативная социализация.

Следует отметить, что проблема социализации личности, несмотря на свою актуальность, все еще не находит должного изучения. Она до сих пор неадекватна как велениям времени, так и ее алгоритму. Это в основном обусловлено сложившимся в социальной науке объектно-репродуктивным подходом к личности, которая рассматривалась лишь как объект управления программ внешнего воспитательного воздействия со стороны официальных институтов социализации и социальной политики.

Вместе с тем разработка проблемы и теории социализации имеет определенные успехи [1-2]. Определенно можно констатировать, что исследователей объединяют в подходе к ней следующие моменты. Во-первых, понимание социализации личности как двустороннего процесса, с одной стороны, передачи личности и усвоения ею социального опыта и культуры, а с другой – воспроизводства и развития существующей системы социальных отношений. Во-вторых, выделение в социализации и в ее результате роли активной деятельности и включения личности в социальную среду, социальную жизнь. В-третьих, понимание социализации как процесса формирования и развития личности, которая интериоризует и экстериоризует культуру и социальные отношения, приобретает социальный статус. В-четвертых, как процесса личного присвоения социального, субъективирования социальных отношений, который заканчивается активным ее участием в практическом осуществлении социальной деятельности.

Думаем, не будет ошибкой утверждение о том, что в основе научного осмысления социализации в целом и социальной адаптации, в частности, лежит теоретико-методологический анализ проблемы социального наследования в общественном развитии. Именно социальное наследование фокусирует всеобщую и индивидуально-уникальную деятельность субъекта истории, то есть самого человека. Социальное наследование как деятельность реализует адаптационный потенциал субъекта и, отражая воздействие социокультурной среды, изменения в самом субъекте, обуславливает характер социальной адаптации, делая его или прогрессивно-преобразующим или консервативно-тормозящим. Вместе с тем вектор и характер социального наследования во многом обуславливают ход и исход общественно-политических процессов.

Это и понятно, поскольку индивидуальный опыт немислим без востребования социальной памяти, социального наследования.

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на справедливое замечание А.М. Миграняна, указывающего на роль «ценностного консенсуса», как наиболее сильного гаранта устойчивости, ибо «ценности, установленные в политической системе, имеют тенденцию допускать на повестку для обсуждения только безопасные вопросы и препятствуют постановке вопросов, которые могут угрожать статус-кво» [3, с. 81]. Здесь, видимо, следует отметить, что безопасность вопросов отнюдь не оз-

начает их жесткую традиционность, неадекватность реалиям дня, их ограничивающую тенденциозность и консервативность, так как выражает в этом случае только лишь сопряженность консервативного и прогрессивного, старого и нового в той мере, в какой достигается содействие развитию существующего положения вещей и явлений.

Современное социальное наследование как «расширенное воспроизводство» отличается, на наш взгляд, от традиционного тем, что в нем личность одновременно может проявлять как утилитарные функциональные (репродуктивные) качества, которые особенно характерны для тоталитарного общества, так и самобытные «индивидуальные» интегральные (системно-созидательные) качества, возникающие при условии присвоения (или общения) общественно-исторического опыта и приобщения к системе общественных отношений посредством деятельности, образующей и реализующей отношения «мотив-цель». Данная деятельность, по существу превращающаяся в самодеятельность, позволяет осуществляться процессу сохранения и приумножения не только социального наследия и социальной культуры, но и индивидуальной личности, ее опыта и культуры. Это становится возможным потому, что системные «индивидуальные» качества личности как субъекта деятельности отличаются прежде всего своей продуктивностью (творчеством), неадаптивностью и находят свое выражение в поступках и деяниях индивидуальности, в ее творчестве, воображении, интеллектуальной инициативе и т.п.

В этом случае индивидуальный опыт становится уже не просто сугубо частным опытом, противопоставленным социокультурному опыту, а важнейшим условием включения в пространство последнего, поскольку является невысказанным без отношения к миру и людям. Индивидуальный опыт тогда уже есть результат участия в жизни общественной, способ ее осуществления [см.: 4-6].

Но, несмотря на то, что индивидуальный опыт является важной характеристикой уровня социализации, он не может в отношении к ней включать всю целостную систему различных видов и форм деятельности, а только способен «пронизывать» их или, в лучшем случае, нести их «образ». Индивидуальный опыт в своем актуализированном состоянии есть реализованная социальная активность, ставшая возможной в данных конкретных условиях. Она характеризует личность и иные субъекты с точки зрения их социальной идентификации и отдачи, указывает на соответствие их качеств приоритетным социальным заказам. Иначе говоря, скорее выражает социальную адаптированность как результат, чем социальную адаптацию как процесс. Это обусловлено тем, что в структуре социализации, как правило, акцентируется сущий, реальный уровень развития

личности, сдерживающий общественно возможный и идеальный максимум ее развития.

Поэтому для интеграции общества и определенной его гармонизации следует, на наш взгляд, осуществлять и наследовать, в первую очередь, ценности, нормы и традиции, то есть ту часть общей и политической культуры общества, которая способствует достижению позитивной активности личности, развитию ее собственной культуры, свободы и творчества, достижению диалога и согласия, приводящих к социальной полифонии. Не случайно об этом пишут Г. Алмонд и С. Верба [7, р. 13].

Они обращают внимание на то, что сформировавшиеся у большинства американцев представления о демократических нормах политической жизни – «демократический миф» или гражданская культура, то есть комплекс сложившихся в обществе демократических установок, норм, ценностей, являющихся, по Г. Алмонду и С. Вербе, «силой, задающей определенные рамки деятельности институтов власти, накладывающей ограничения на них, напоминающей политикам о пределах допустимого в существующей политической системе» [7, р. 481].

В содержании культуры гражданина и общества данные исследователи усматривают моменты, напоминающие о действии и роли в них социальной памяти, так как отношение американцев к существующей системе закреплено в нормах, обычаях, традициях и мало зависит от текущей политики. Хранение, передача, освоение и приобщение к данным элементам культуры, то есть осуществление социального наследования и включение в него и делает, на наш взгляд, индивида гражданином или личностью, социально адаптирующей и адаптирующейся в различных сферах общества.

Примечательно, что другой американский исследователь Б. Роуланд указывает, что в сознании социально ответственного индивидуалиста большую роль играют традиции, способствующие «развитию человеческих существ в том виде, который удовлетворяет их» [8, р. 412], то есть их социальной и, в том числе, социально-политической адаптации и политической социализации.

Из определений социализации, данных этими и другими авторами, напрашиваются следующие выводы. И их было бы резонно учесть в практике и теории социальной адаптации, социализации и социального наследования.

Во-первых, становится очевидным, что социализация – это один из механизмов процесса социального наследования; во-вторых, социализация выполняет функцию коммуникативно-информативного характера; в-третьих, она предстает в своем функциональном значении как способ социальной адаптации, имеющий средства передачи, усвоения, приобщения, такие, как обучение, научение, воспитание; в-четвертых, индивид здесь представлен

сугубо как объект и субъект общественных отношений, что, на наш взгляд, таит возможность сведения его активности к простой реактивности, так как предполагает чрезмерно жесткое сцепление с воспроизводством и развитием данных отношений, а поэтому невозможность выхода за их пределы.

Здесь, по сути, даже активность индивида представляет собой прямое отражение и выражение тех общественных отношений, которые его окружают, то есть индивид в такой ситуации не обладает полным значением своей субъектности.

В-пятых, «присвоение» социальных отношений – это совершенно нереальное дело, на наш взгляд, так как его возможность и действительность означали бы ни что иное, как их уничтожение, поскольку утрачивалась бы соотнесенность социальных связей, порождающая эти отношения. Взаимосвязь бы обрывалась, а вместе с ней и диалог. Личность, если и «присваивает», то не сами социальные отношения, а их образ, значение и смысл. Реальнее общаться, приобщаться друг к другу, рождая новые социальные связи, их соотнесенности, или же следовать «старым» общественным отношениям, познавая, подражая, внимая, вслушиваясь, то есть наследуя.

В-шестых, в трактовке социализации как процесса усвоения, присвоения личностью культуры общества последняя предстает только как объект, не предполагая в себе общение, диалог субъектов, а также диалог с ней самой, как с объективированным субъектом и субъективированным объектом. Такая интерпретация акцентирует на потребительское отношение к культуре. Здесь социальное наследование хоть и предстает как «расширенное воспроизводство», как двусторонний (или многосторонний) процесс передачи предшествующим поколением социально-исторического наследия и усвоения его новыми, все же остается в рамках, пусть и диалектической, но монологики, а не диалогики.

В случае господства «голой» монологики говорить о глубинном онто-логическом общении-диалоге не приходится, так как возвышающиеся элементы культуры (настоящей) отражают прошлые элементы культуры с точки зрения «чистого» своемерия, самообоснования и самообъяснения, не внимая иным логикам и элементам и не видя их. Социальная культура в данном случае служит показателем того, что усвоено, а не того, каково отношение к прошлой, настоящей и будущей культуре, не выражением ответственно-творческого отношения к ней, а лишь эгоистически-потребительского.

Подведем некоторые итоги. Итак, социальная культура общества и культура личности, а вместе с ней и социальное наследование, устанавливаемые посредством «усвоения», «присвоения», по природе и направленности могут быть лишь изначально монологичными. Они не предполагают диалога, осуществляемого в мере иных логик, в предположении

равнозначности и самозначности, возникая, функционируя и развиваясь на основе монологичности. Именно поэтому подобная социальная культура, а также социальное наследование подобного типа несут отпечаток ограниченности, безответственности по отношению к прошлой и будущей культуре данного общества и его субъектов и в особенности тех обществ и их субъектов, которые проявляют себя в соседствующих с ней социально-исторических пространствах. Так творятся сугубо плотское самодовлеющее, самозамкнутое беззаконие и несправедливость, стирающие всякие «следы» культурного созидания и тем самым прерывающие процесс их наследования, взрывающие его.

В монологическом понимании культура личности предстает лишь как результат ее социализации, то есть социально-воспитательных и иных воздействий на личность как на объект, репродуцирующий их в экстенсивном воспроизведении. Или, в лучшем случае, предполагается обратное воздействие субъекта на культуру как на объект. Получается, что социальная культура, выступающая объектом реальных субъектов, действующих в настоящем, является не субъектом-целью, мотивом, смыслом, а лишь средством, воздействующим на индивида при помощи определенных субъектов-посредников (агентов). Цель же – наполнение данного индивида содержанием данной социальной культуры. Индивид становится объектом-целью прямого воздействия на себя со стороны субъектов социализации (и политики).

Превращение культуры общества и личности в объект, результат и средство воздействий со стороны старших поколений или ограниченного числа субъектов, отождествляющих себя со всем обществом, – это превращение социального наследования монологически-репродуктивного (или идейно-институционального) типа в основной господствующий тип. Последнее обстоятельство мешает достижению большинством членов общества статуса субъектности, в котором их культура объективна только в той мере, в какой она направлена на самую себя и на саморазвитие. В этом случае культура, не включая в себя качественные уровни деятельности как «субъект-объект-субъектное» отношение, не превращается в условие и результат диалогически-креативной социализации. Монологически-репродуктивная социализация остается сугубо интрасоциальной, интраполитической.

Диалогическая культура и социализация и поддерживаемое ими социальное наследование предполагают возможность и способность интеракционистского сопряжения эпох и их субъектов. Таким образом, следует отметить, что социальное наследование невозможно без объективного и особенно субъективного бытия культуры, а осуществление последнего – это начало процесса социальной адаптации индивидов, которые избирательно «диалогичи-

зируют», «сообразуют» то или с тем, что для них имеет смысл и значение, удовлетворяют их индивидуально-социальные потребности и развивают их или действуют вне велений таковых.

Литература:

1. Хайруллина Ю.Р. Социализация личности в условиях трансформации российского общества. – Казань, 1998. – 370 с.
2. Чистяков А.В. Социализация личности в обществе Интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 58 с.
3. Мигранян А.М. Взаимоотношения индивида, общества и государства в политической теории марксизма // Вопросы философии. – 1987. – № 8. – С. 79-81.
4. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. – М: Медиум, 1995. – 323 с.
6. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995. – 177 с.
7. Almond G.A., Verba S. The civic culture. Polit. attitudes a democracy in fire nations. – Princeton(N.J.): Princeton univ.press, 1963. – VI. – 295 p.
8. Rowland B. The impact of contemporary conservatism on modern political thought: Arev. Essay // Western polit. quart. Salt Lake City. – 1988. – Vol. 41. – № 2. – P. 412.

Socialization of Personality: Methodological Aspect

Z. Galeev

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with the necessity of socialization of the personality in the paradigm of dialogical – creative inheritance. The author proves the fact that theoretical and methodological analysis of the problem of social inheritance in social development is the basis of scientific understanding of socialization.

Key words: socialization, social inheritance, personality, individual experience, subject, social adaptation, dialogical-creative socialization.

